

Ян КАЛИНЧАК

Словацкий юноша

Перевод со словацкого П. Каликина
Перевод выполнен по тексту, опубликованному на сайте «Zlaty Fond SME»
<http://zlatyfond.sme.sk/>

I.

Шумит Ваг в своем русле, гудят его волны удивительным, чудным звуком, который тотчас усыпляет луга и долины, едва поцелуют их его воды, и тотчас же буйным течением возвращает их к жизни пробужденными. Кто познает его волю? Кто поймет его таинственный шум? Эти земли, милые земли возле Вага не понимают того, с чем обращается к ним мироздание в явлениях своих – в шорохе лесов, в журчании рек, в солнечном свете, в сверкании зари, в тем ноте ночи. Но тут или там появляется человек в обличье пророка, который шепчет на ухо людям, не знающим воли мироздания, обращается к ним через дочь свою, прекрасную природу. Слава вам, великие пророки, человечество к свету пробуждающие.

Долиною Вага к великолепному Тренчину спешат два человека. Первый из них молод, красив, прелестен как лик утренней зари, как лик великолепной природы в окрестностях Тренчина; второй стар, с седой бородой, с согбенной от старости спиной, словом, выглядел так, как живое предание, повествующее нам о делах далеких предков. Юноша оглядывается по сторонам, все его привлекает, все его к себе притягивает, поскольку в груди его еще не нарушилось то созвучие души с природой, которое исчезает с возрастом. Душа его так же свободна в своих фантазиях, как тот ветерок, что струится долиной Вага, порхает всюду, даже не задумываясь над тем, как он это делает, радуется всему необъятному белому свету. Старик не смотрит на окрестности, не любит их красотой, просто идет, поскольку ведет его дума, которая, похоже, его и сейчас занимает и отдаляет от всего вокруг.

Вот так идут они вверх по долине, не говоря ни слова, словно старость, с молодостью не знаясь, шагает сама по себе. Наконец старик произносит:

«А знаешь ты, сын мой, куда мы идем?»

«Знаю, отец мой!» – отвечает юноша с такой легкостью, словно бы в словах его и нет ничего важного, значительного.

«А знаешь ли ты, сын мой, зачем ты туда идешь?»

«Знаю, отец мой!»

«Уверен ли ты, сын мой, что дорос до намерения твоего, что не дрогнут юные силы твои под его тяжестью?»

«Эх, отец мой, если бы ты не знал меня с детства, тогда я понял бы опасения твои, а так зачем меня спрашиваешь? Сам же видишь».

«Сын мой!», – схватив юношу за руку, говорит старик, члены его дрожат, сухие глаза орошаются слезой, шаг замедляется, в грудь вздымается часто. – «Сын мой», – продолжает он, – «вот и закончилась твоя юность; тебе на долю выпало время суровое, полное несчастий, оно не позволит тебе наслаждаться в лоне юных лет, как я наслаждался в мои годы! Сын мой, ты осмотришь вокруг!»

«Зачем, отец мой?» – равнодушно спрашивает сын, но в звучании его голоса почувствовалась перемена, вызывавшая скрытое волнение.

«Взгляни, сын мой, на эти прекрасные рощи, на эти цветистые поля, на леса шумливые, на зеленеющие луга, на эти милые долины, на прекрасную землю нашу и позволь глазам твоим насладиться их видом – навсегда!»

Юноша глянул на отца своего и в мрачном предчувствии невольно осмотрелся вокруг.

Старец возвысил голос:

«Сын мой, завтрашний день положит конец твоей свободе; я от тебя ничего скрывать не хочу. С завтрашнего дня ты уже не будешь принадлежать себе, не будешь принадлежать прекрасной природе; с завтрашнего дня ты уже не сможешь следовать движениям своего сердца, должен будешь подавлять его призывы, должен будешь попирать ногами все, вплоть до самых нежных своих чувств: и все это во имя одной, но великой идеи. Видишь ли эти заброшенные земли? Видишь ли наш народ угнетенный? Видишь ли, как вольный сын нашего народа вынужден сгибаться под ярмом чужеземцев? Видишь ли, как попирается знак Спасителя, святой крест, принятый нами от предков? Смотри, сын мой, это и есть то, ради чего ты потеряешь свободу, что лишит тебя красот природы, скует каждое движение твоего сердца. Сын мой, ты должен все, все забыть, но только не свою власть, не свой род, не свою веру».

Старик умолк, утомленный и болезнью, и воодушевлением, но очи юноши разгораются, стан его распрямляется, лицо его проясняется, кажется, весь он волшебным сиянием озаренный, произносит:

«Отец, сын твой забудет обо всем – отбросит любое чувство, любое намерение ради одной идеи – единственной возвышенной идеи!»

Старик смотрит на него, дрожащей рукой опираясь на посох, и покачав головой отвечает:

«Нет-нет, сынок, не ошибись в своем рвении. Ты еще не знаком с течением человеческой жизни, еще не знаешь всех желаний, всех устремлений юности! Ты так молод, так жизнерадостен – и не сможешь более вкушать радости жизни. Вся жизнь твоя уподобится замку, гордящемуся своей славой, защищающему свободу, невинному, но так и не вкусившему, в чем заключается прелесть жизни, в чем кроется красота природы, что есть любовь и счастье. Ты можешь добиться славы, но счастья – никогда. Сын мой, кровь моя, мне жаль тебя!»

«Не жалею, отец, не за что, да и помочь мне ты не можешь. Посмотри на это заходящее солнце: так угасла наша слава. И так же как после долгой ночи это солнце все же взойдет, должна взойти и наша слава!»

Юноша страстно схватил старика за руку. Солнце сверкнуло в зрачках их глаз и закатилось».

II.

После боя под Прешпорком, где полегли сыновья Святополка, затаилась, онемела Словакия: народ отчасти угнетенный, отчасти горами разделенный не спешил возвращаться к жизни. Но главная тому причина заключалась в том, что единодушные в жизни народной, равенство между людьми не могли выдвинуть личность, которая объединил бы силы народные. С другой стороны христианство, не проникнув в сердце каждого, при первом своем распространении многих понудило, в том числе и тех, кто по причине словацкого господства вынужден был принять христианство, а сейчас, когда власть в Уграх захватили иноверцы, охотно отступились от тех, что когда-то свергал богов их отцов, кто рубил их священные рощи, кто вынуждал их поносить силу тех, кому их отцы многие столетия поклонялись. Каждый народ, который хоть немного собой дорожит, нелегко отрекается от своих пусть даже ошибочных убеждений, не принимает сразу пусть даже спасительную истину, поскольку только длительная борьба, длительная жизнь могут привести общее мнение к тому, что она великая, правдивая, благородная. Так было и в Словакии. У многих не было сожаления о падении словацкого королевства, поскольку теперь они снова могли поклоняться своим богам, снова могли приносить им пищу, могли отомстить притеснителям своей веры. Так многие покорились новоприбывшим иноверцам и сражались против братьев своих, которые, оставив стародавнюю веру, хулили древние божества. Меж ними был и Длугош, пожилой, могучий мужчина и усердный почитатель Свантовита, а в прошлом еще и жрец его, который волею азиатских безбожников обосновался в Бецкове, надежном замке, откуда на чем свет стоит поносил христиан и в невежестве своем могучей рукой действовал в ущерб жизни собственного народа.

Однако еще не угасли искры стремления к самостоятельности в сердцах сынов рода словацкого. Не один из них заплакал над глубоким падением своего народа, не один долгими зимними ночами вспоминал стародавние времена, не один, скитаясь тихими летними ночами по шумящим лесам, высматривал своих соплеменников и ободрял их, обнадеживал – чем? Об этом никто узнать не мог, поскольку все делалось тайно, скрытно, потихоньку. И никто их не выдал, разве что соловей в своей песне, который слышал в рощах шепот скрывающихся мужчин, подающих знаки и вверх на Поважье указывающих. Ну а в определенные дни множество стариков, множество юношей валом валили к Тренчину, старинному замку, и никто не знал, зачем и почему они туда ходят.

Тренчин лежит недалеко от языческого Бецкова, азиатам служащего, но там совсем другие дела затеваются. О них и поведем речь.

В день гибели сыновей Святополка множество народа собралось в славном Треничне. Стариков побольше, чем юношей. Подают одни друг другу руки и поднимаются в просторную палату.

Владыка Треничина, Дзорд Треничанский, известный своими былыми заслугами, а сейчас большей частью укрывающийся в своей крепости,

рассылает посланцев по округе, по словацким столицам, но никому не известно, что он задумал, поскольку об этом сообщает прежде лишь самым близким товарищам, а потом и другим, которые, однако, никому ни о чем не обмолвятся. Сейчас собрались вокруг него старейшины и заполнили просторную палату.

В палате, в центре, стоит блинный, черным сукном покрытый стол; вокруг стола – высокие кресла, а в креслах старцы сидят, которые многое помнят, которые жили и были преданы забвению еще до поражения словаков. Во главе стола подобно трону возвышается кресло, а на нем восседает Дзорд Тренчанский. Перед ним на столе лежит книга в кожаном переплете, Священное писание, говорят, рукой самого Метода написанное, а рядом с книгой стоит крест, символ христианства. Вокруг сидят и стоят и старцы, и юноши, и зрелые мужчины. Царит глубокая тишина.

Дзорд Тренчанский поднимает седую голову; лицо его сурово, и это свидетельствует о том, что голова его не столько от возраста, сколько от многочисленных забот и всевозможных пережитых неприятностей побелела, вот он поднимается над собравшимися, взгляд его медленно, спокойно разгорается, и на кон он останавливается, тому кажется, что в самую душу он проникает, и в то же время с бесконечным доверием к нему обращен.

Начал он говорить:

«Мужи словацкие! Миновали времена, когда на землях наших, в цветении утопающих, мы свободно подавали друг другу руки; сейчас вынуждены укрываться и запираются в надежных замках, если хотим поговорить по душам. Мужы словацкие! Вы вспоминаете дни нашей свободы, вы ощущаете всю боль нашего поражения; так завеем же я буду вам об этом напоминать? Я не буду сравнивать времена минувшие и нынешние, не стану раскрывать, в чем заключается угнетение наше и наш позор, не стану перечислять наши жалобы, наши мечты, наши предостережения: вы и сами хорошо знаете, что мы, прежде блистательные, пришли в упадок, прежде уважаемые, свободные, ныне в угнетении, в позоре живем, прежде все свободно решавшие, сейчас свои желания, жалобы друг другу только шепотом поверяем, чтобы даже ветер нас не услышал; сошлись мы сюда, чтобы вспомнить дни нашего крушения, когда мы утратили и милую свободу, и родных, и друзей наших, когда мы утратили все, все – но только не надежду. И так, мужы словацкие, вспомните ваших сыновей, братьев, которые пали при Прешпорке; вспомните, что там лежат руки ваши отсеченные, что мы там многое, все утратили – но только не надежду! А теперь довольно воспоминаний, довольно сожаления, сейчас будем говорить о надеждах наших. – Бесчестье в том, чтобы добровольно подставлять свою шею под чью-то ногу, бесчестье в том, чтобы народ наш забыл о том, что есть что-то еще кроме повседневной жизни. Да, мужы словацкие, времена сменяют друг друга, и в непрестанных переменах рождаются новые силы; слабый становится сильным мужчиной, сильный теряет власть, а угнетенный преступает границы, начертанные ему, и выступает против своего

угнетателя, который никак не может понять, где набрал такую силу этот бедняк. Мужички словацкие, разве не пришел и для нас день нашей силы?»

И по всей просторной палате в один голос прозвучало сурово: «Пришел!»

И у Дзорда Тренчанского засверкали глаза, старики за столом подняли понуренные, словно в память о прежних временах опущенные головы; всех собравшихся одно это слово будто искра воспламенило.

«Я перечислил тебе силы наши», – поднявшись с левой стороны, начал один из старцев, – «Теперь ты знаешь, на сколько семей, мне преданных, можешь рассчитывать!»

«Знаю!» – отозвался Дзорд Тренчанский. – «И ты, и Святош, и Милота, и Нездай, и все прочие известили меня о численности и силе своих союзников. Теперь сообщите мне лишь о том, когда все соберутся возле Тренчина, и как будем начинать?»

«Я думаю», – ответил Милота, – «в первую очередь должны мы Длугоша в Бецкове уничтожить, ибо горше всех зол на свете неприятель одной с тобой крови, поскольку раны, им нанесенные, не просто болят, но до самых потаенных глубин опаляют душу!»

«На Длугоша! На Длугоша!» – раздаются вокруг голоса.

Тут встает из-за стола Святош и говорит негромко, но строго, голосом слабыми, но настойчивым, так что в словах его чувствуются старость и гордость, склонившиеся перед высшей ценностью:

«Друзья мои! Я думаю, что жизнью своей заслужил, достаточно пожертвовав ради нашего дела, чтобы и вы что-то сделали ради меня. Я все, все утратил: замки мои разрушены, мое имущество поделено между врагами, пятеро моих сыновей лежат, закопанные в черной земле, а кровь их по прешпоркским полям разлита; ныне нет у меня никого на свете, кроме единственного сына, – и вот об этом сыне хочу я кое-что сказать, прежде чем вы примете решение».

«Говори! Говори!» – отозвалось собрание.

«И так, друзья мои!» – продолжает Святослав, – «один у меня сын, но и он напоен слезами наших поражений, вскормлен надеждой на будущие лучшие времена, а в груди его в юношеском возрасте уже пылает священный огонь, и сам он – повзрослевший пылкий богатырь, – приходит к вам и просит, чтобы вы приняли его в свою союз словацких братьев».

Все молчали, а старый Святош скользил взглядом по их опущенным очам.

Опершись головой о руку, говорит негромко Дзорд Тренчанский:

«Святослав! Мы ценим твои заслуги и воодушевление сына твоего, но задумайся, законы союза нашего суровы, исполнить их под силу только мужчине. Юноше еще не ведомо, что встретит он в жизни, он смотрит на все с удовольствием, его глаза, его сердце еще не очерствели к влиянию красоты и мирских наслаждений. До сего дня в союзе нашем состояли только мужчины, поскольку никого не принуждали мы суровыми обетами хранить верность делу нашему, кто не мог бы их сдержать в суровых схватках с

самим собой. Твой Станислав может бороться вместе с нами, может осуществлять свое намерение, – но пусть он остается сам по себе, пусть не лишает себя будущего».

«Ты прав!» – отозвался Милота. – «Мы знаем, что законы наши суровы! Мы знаем, что наша вера не одобряет те жертвы, которых мы требуем. Мы знаем, что Бог привил любовь нашим сердцам, чтобы с нею мы прославляли нашу жизнь. Мы знаем, что солнце на небе светит нам, чтобы мы согревались его сверкающим теплом: но знаем мы и то, что не сможем вернуть достоинство упавшему народу нашему иначе как обо всем, обо всем забыв, кроме освобождения. И обеты наши простираются не далее как к возвращению великоморавской славы!»

Тут ближе к столу подступил Станислав, правой рукой опирается о стол, юношеским взором обводит сидящих и говорит:

«Мужи словацкие! Вы отказываете в силе возрасту моему, вы боитесь, что юноша не сможет выдержать свои обязательства и обеты, – но как же вы ошибаетесь! Юность способна себя, свои мечты, своих любимых да и весь белый свет принести в жертву своему чистому, высокому воодушевлению. Старость и зрелость делают это легко, так и заслуга их не велика, поскольку мало что теряют. Тогда и жертвы ваши не велики. Однако когда юность, имея на пути многие препятствия, желает совершить то, что совершает зрелость, ее заслуги и жертвы в тысячи раз значительнее ваших; стало быть вы, мудрые мужья, полагаете, что возрождение народа нашего, воскрешение нашей славы не заслуживают самых больших жертв? Стало быть, и дело ваше так незначительно, равнодушно? Я же об этом привык думать иначе; я думал и думаю, что воскрешение жизни народной среди всех прочих дел так же возвышается, как солнце среди звезд. Стало быть, вы не желаете, чтобы сыновья наших родов делу нашему принесли наибольшие жертвы – жертвы, которых вы принести не можете? Ужели души ваши настолько завистливы, что в не желаете позволить юному сердцу, чтобы оно самое себя принесло в жертву тому, что вы почитаете самым возвышенным? При этом вы говорите, что юноша может и так, без обязательств действовать! Но вам, пожалуй, следовало бы знать, что когда он видит себя среди избранных, когда знает, что поступки его predeterminedены, это льстит его гордости, это возвышает его душу. Да, волнуется сердце в юношеской груди, и распрямляется душа его от сознания того, что за свои убеждения приносит он жертву, превосходящую все прочие...»

Он приумолк и, вскинув голову, произнес решительно:

«Мужи словацкие, я желал и желаю, принеся любые клятвы, вступить в ваш союз!»

Все молчат, только старый Святош с нежностью смотрит на своего взволнованного, сохраняющего достоинство сына.

Дзорд Тренчанский обводит взглядом своих приятелей, которые не склоняются ни к тому, ни к другому решению. Тогда он сам спокойно и негромко говорит:

«А знаешь ли, сын мой, что законы «словацких братьев» настолько строги и суровы, что самое малое нарушение карается смертью?»

«Знаю», – без промедления отвечает Станислав.

«А знаешь ли», – продолжает Тренчанский, – «что желающий быть членом, не смеет ни о чем думать, не смеет ничего желать кроме освобождения народа нашего?»

«Знаю!»

«А знаешь ли, что для каждого из нас весь мир должен умереть, каждое движение сердца должно быть отвергнуто, что любовь для юноши – грех, что грудь его должна быть сталью укрыта от прелестей и женской красоты, что каждого из нас и мать, ни отец, ни жена, ни возлюбленная, ничто связывать не смеет, чтобы был готов он в любую минуту за дело наше голову сложить и умереть?»

«Знаю!» – отвечал он смело.

Тогда Тренчанский уперся взглядом в исполненного ревности юношу и, пристально глядя на него, спрашивал:

«А испытал ли ты, сын мой, любовь?»

«Я ее не знаю, и знать не хочу!»

«Так говорить ты не смеешь», – возразил Тренчанский. – «Это самый сильный огонь, самое сильное искушение для человека, – и счастлив тот, кто его одолеет».

«Я ее одолею».

«Хорошо, сын мой; а если не одолеешь?»

«Сказал же», – отвечает Станислав, – «что за малейшее отступление расплата – смерть!» – и он гордо вскинул голову.

«Подумай еще, поскольку ничего ты не сможешь сделать сверх того, что прикажет тебе твой начальник».

«Коль скоро это ради спасения нашего, воля его будет и моей волей».

«Одумайся, поскольку пусть жгут тебя, пусть что угодно с тобой делают враги, от братства нашего и от Христа отречься ты не смеешь!»

«Согласен!»

Тренчанский пожал плечами и произнес:

«Хорошо! Если ты пожалеешь о своем шаге, не наша в том вина!»

Затем, обращаясь к собравшимся, он спросил:

«Что думаете вы, друзья мои?»

И все негромко ответили:

«Да свершится воля Божья!»

«Да свершится воля Божья!», – подытожил Тренчанский и, махнув рукой, призвал к себе Станислава, который, положив два пальца на Священное писание, а затем на Распятие, принес присягу в том, что отрекается от всего на свете, что за крест святой и за свой народ готов он все перенести, что желает во всем соучаствовать со своими вождями, что пресечет любую мысль, любое намерение, не соответствующее этой его клятве.

Когда все было закончено, Дзорд Тренчанский сурово ему говорит:

«Посмотри, сынок, на этот крест – это твоя будущая жизнь!»

А Станислав весь дрожит, лицо его пылает, глаза его сверкают таинственным светом, а рука его, сжимая крест, с воодушевлением поднимает его высоко над головой, и дрожащий голос, вырываясь из сдавленной сознанием святости мгновения груди, произносит:

«То будет жизнь моя!»

Станислав держит крест вознесенным, – собравшиеся молчат в священной тишине.

III.

Новый, прежде невиданный дух появился в словацких долинах. Куда ни придешь, услышишь о тренчанских начинаниях, куда ни посмотришь, увидишь плоды усилий тренчанских удальцов. Уже не скрывается, не печалится более люд тренчанский, но в строгом спокойствии, с тихой верой поднимается над ничтожностью своей и решительно выступает против врагов народа и веры.

Но выше всех, словно звезды на небосводе, стоят несколько человек, которые среди своих соплеменников подобны очагам пламени, которые освещают дни мира и сражений своим сверкающим светом. Их легко узнать среди прочих, поскольку в дни радости, в дни побед не появится улыбка, радость, воодушевление на их лицах; в дни поражений, либо на пороге смерти, при испускании духа, равно как и над телами павших братьев своих не обнаружишь ни печали, ни скорби на их лицах, ни священной росы в очах. Они посмотрят друг на друга, приложат руку к сердцу, укажут жестом на небо, либо в ту сторону, где находится Тренчин, и молчат. Их фигуры и лица словно воплощение скорби, словно в груди у каждого умерли чувства ко всему на свете, но только не память о своей глубокой боли, кроме которой ничто не проникает в их сердца, лишь стремление к свободе, к восстановлению закона. И часто на поле битвы, когда их ряды, поддаваясь напору неприятеля, пятились и в беспорядке убегали, те несколько человек, что по взгляду узнали друг друга, сражались в полной тишине, не проявляя ни малейшего страха перед опасностью, держались так долго, что толпы убегавших, видя их сопротивление, возвращались и с удвоенной энергией обрушивались на неприятеля. Часто случалось и так, что люди против них воевавшие, заглянув в зеркало их души – в их лица, не понимая, какими чарами охвачены, отступали и с криками покидали поле битвы.

Уже ни для кого не секрет, кто эти люди, и той, и другой стороне известно, что это союз «словацких братьев». От высоких Татр до Саввы разнеслась слава о их делах, о их каменно-суровых лицах, о их поступках; но среди прочих более всего говорили в народе о юноше, который выделялся среди своих сотоварищей, а крик: «Станко! Станко!» – в больших и малых сражениях с волшебной силой действовал на его соратников, которые этими словами будто стальными латами укрытые, шли на врага; равно как и на его врагов, которые, едва слышав это имя, начинали озираться – с какой стороны идет Станислав? За короткое время стал он предводителем «Словацких братьев», и старейшины, в Тренчине сидящие, с нежностью смотрели на своего удальца, ожидая от него лучшего будущего для словацких родов. С момента вступления в союз «Словацких братьев» Станислав держался степенно, осознание своего взросления и значимости осеняло его юношеское чело, лицо его – словно зеркало суровости, которая так к лицу юности, когда она отражает стремления сердца, еще не очерстневшего к делам великим и прекрасным. Дзорд Тренчанский, который был предводителем и в совете, и на поле битвы, погиб в сражении, на его

место властелином Тренчина был провозглашен Святош, а Станислав – воеводой. С той поры редко увидишь Станислава задумчивым; лицо его пылает, стоит только ему оказаться с глазу на глаз с неприятелем. Он единственный среди «Словацких братьев», чье лицо разгорается огнем в счастливую минуту, поскольку он, приподнявшись в стременах, распрямляет спину и, подобно ясновидцу, смотрит вокруг, угадывая, где нужна помощь, куда необходимо направить силы, и взгляд его так напряжен, словно он – продолжение руки, разящей неприятеля, и лицо, в которое кровь ударяет, и горячее дыхание свидетельствуют о напряжении всей его души.

Он очистил от неприятеля всю Поважскую долину от Тренчина до самого Дуная, и вселил святую надежду на освобождение – на новую жизнь; однако Длугош еще стоит в Бецкове, собирает вокруг себя остатки своих приверженцев и остатки чужеземных воинов, которых в помощь ему отправили семь военачальников, распространяющих свою власть над Венгрией и Болгарией. Святош задумал в первую очередь отсечь и уничтожить это сборище сторонников Длугоша, и Станислав, сын его, задумчиво глядя с неизбывной грустью на живописную, прекрасную долину Вага, спешил верхом к Бецкову, следом за ним – его сторонники.

Мало их, кажется, порыва ветра достаточно, чтобы развеять их на все четыре стороны, но в груди у каждого бьется геройское верное сердце. Длугош уже заметил красно-белое знамя, заметил и ненавистный двойной крест, над ним возвышающийся, И видит он, что своими силами может уничтожить расположившихся возле замка сторонников Станислава, и в порыве страсти, в гневе на торжество креста в той местности, над которой Бецков господствует, собрал он свои силы в час ночной, на плотях переправился на другой берег, и утреннее восходящее солнце, засверкав, озарило две противоборствующие стороны, которые должны были решить участь грядущих дней. Станислав ждал подкрепления из Тренчина, но тут, видя мчащегося неприятеля, приказал подать сигнал, вскочил на коня, затрепетало на ветру красно-белое знамя, и крест, над ним возвышающийся, спокойно взирал на Поважскую долину, словно давал благословение своим приверженцам.

И раздался крик. Ряды Святоша отвечали тихим, таинственно-тихим ропотом; одни смотрели скорбно, на лицах других не различить ни скорби, ни отблеска радости – они продвигаются вперед словно обреченные на смерть, умеющие не только жить, но и умирать. Люди Длугоша кричат и стремительно набрасываются на горстку, которая сейчас в безумном отчаянии сражается лишь по привычке, поскольку одним из законов «Словацкого братства» был закон – не уступать никакой силе.

И была первая атака, и была вторая атака, и раз за разом мчащаяся толпа сторонников Длугоша отскакивала от стальной груди тренчанских смельчаков, так же как поток разогнавшихся вод морских разбивается об одинокую вершину торчащей из моря скалы, и тысячей водоворотов разливается по широкой равнине. Вот снова конница напрямик, а пехота с флангов мчатся окружить горстку тренчанских удалцов. И в этот момент в

самом центре поднимается голова Станислава, он глянул на своих, крикнул: «За мной!» – и завращалась над головой сверкающая сталь, аж воздух засвистел, словно обжег его поцелуй восходящего солнца, которое от той стали отразилось, и вот уже мало-помалу затихает крик с противоположной стороны, поскольку некогда голосом свое геройство показывать, когда оружие острое, обжигающее сокрушает шлемы, ломает сабли, отражает копыя и так теснит неприятеля, что нет ему места развернуться, натянуть луки и послать стрелы в грудь тренчанским удалцам.

И где же они, те огромные волны войска Длугоша? Разбиты, рассеяны, и предводитель их глазами ввалившимися печально смотрит вокруг из-под седых бровей, поскольку соратники бросили его, и он кольцом неприятелей окружен, унижен, связан. Смотрит он на лица предводителей своих противников, но не выражают они ни радости, ни ликования, столь обычных в случае победы.

Станислав приказал подать сигнал и на своем коне первым поспешил к Вагу, на плотях Длугоша они переправились на другой берег, подступили к Бецкову. Стражник перед ними мост не опустил.

«Длугош», – окликнул Станислав, – «прикажи опустить мост!»

Длугош молчит.

«Длугош, если хочешь жить, прикажи опустить мост!»

Нет ответа.

«Еще раз тебе говорю: ты в нашей власти, делай что тебе говорят – не жди суда в Тренчине!»

И Длугош, подняв глаза, без слова в ответ берет в руку серебряную трубочку, что на боку у него висела, трубит условленным сигналом, мост опускается, и люди Станислава поднимаются в замок – поднять на его башне красно-белое знамя с двойным крестом, пробуждающим надежду в сердцах верующих.

IV.

В Бецкове – высокочтимый суд. Станислав сидит на возвышении, рядом с ним – его ближайшие сторонники, а перед ним – старый Длугош. Члены его освобождены от пут.

«Длугош», – произносит Станислав, – владычеству твоему пришел конец, так оставь свою пресловутую ярость против собственной крови. Покорись Богу и покайся в грехах своих!»

«Детские забавы», – улыбнувшись отвечает старик. – «Ты хочешь меня судить, а борода твоя едва пробивается; ты поучаешь меня покориться богу, которого я не признаю, молиться которому не смогли меня принудить ни короли, ни многолетние смуты!»

«Не богохульствуй, ибо ты одной ногой уже в могиле и нуждаешься в милости Божьей, поскольку предал свою кровь и помогал проливать ее потоками, помогал взваливать ярмо на собственный народ – чистый, словно утренняя заря и, подобно весеннему цветку, невинный».

«Не будь так поспешен в суде, юный служка, и не суди так скоро о делах других людей. Я предал людей, вас, я помогал взваливать на вас ярмо, но вы предали своих богов, которые охраняли вас испокон веку и которые всегда приходили вам на помощь, покуда вы их не предали, не покинули, не сломали и не хулили их. Так в ком же причина вашего падения, юный служка? Вы сами, ибо вы отступили и от отцов своих, и от их святынь, злоречили о том, к чему они зывали, ногами попирали их небо, их утешение в трудный час, их отраду в радости, – стало быть, предавший вас не предал ни отцов своих, ни кровь свою, поскольку вы – не кровь от их крови. Вы поколение отступников, отщепенцев. А то, что мы с чужаками объединились? Что ж, если вам тяжело выносить притеснения, нам было еще тяжелее объединяться с чужеземцами. Однако ты должен знать, что месть сладостна богам, и эта месть исполнилась, и мы счастливы тем, что сделали это. Теперь плачьте, вздыхайте, мы над вами смеемся, и боги над вами смеются, ибо вы к тем, кто вас столько лет оберегал, сострадания не имели, и они вас прокляли вовеки, и будете вы прокляты, будете целым светом покинуты, будете презираемы и опозорены между всеми народами вплоть до скончания света, и души сыновей ваших даже в тысячном поколении будут проклинать вас за то, что вы осудили их навеки, за то, что лишили их благословения предков, и будут разрываться их сердца будут мысли их в отчаяние погружены, а вы будете взирать на их муки, на их тщетные усилия. Такова воля богов. – А от меня чего ж ты хочешь?»

И люди вокруг Станислава молчат, дрогнули перед проклятием старца те, кто был так непоколебим, так безразличен к смерти. Казалось, будто устами этого человека счастливое прошлое зывало к несчастным сыновьям. Длугош обвел их взглядом и улыбнулся этому молчанию.

Станислав, вздохнув, произнес:

«Молчи, безумный старик! Твои слова словно змеи ядом обжигают наши души. Отцы наши хотят лишь счастья своим сыновьям, ты же помогал обрушить на них всю злобу мира, и проклят отцами нашими!»

«Не спеши, юноша!»

«Длугош, покорись по доброй воле силе тренчанской!»

«Я не признаю никакой силы, никаких победителей! Что делал, то делал; не считаю нужным кому бы то ни было давать отчет. Делай со мной, что хочешь».

«Я ничего иного не желаю, лишь бы ты признал свою вину и добровольно призвал своих соратников к тому, чтобы они, покинув чужеземцев, присоединились к своим сородичам и от кровного родства не отчуждались, чтобы ненавистью не ослабляли кровных уз, в которых стоит только завестись червоточине, сам Бог не поможет».

Длугош с усмешкой пробормотал: «Не поможет, действительно, не поможет», – и подняв голову, произнес: – Делай, что хочешь; я не пойду навстречу твоим желаниям, а сподвижники мои», – тут он пожал плечами, – «пусть поступают по своей воле».

Станислав нахмурил брови, благородным гневом исполнилось его лицо, посинели и вздулись под прозрачной кожей вены, глаза почти не видны в тени сведенных бровей и только две молнии, словно жала, устремлены на Длугоша, черты его лица искажает порыв страсти, рука поднимается, и с губ срывается решительное слово:

«Связать его – и в Тренчин без промедления!»

Едва он начал произносить эти слова, распахнулись двери – и девушка, прекрасная словно подобие божественного ока – солнышко красное, – появилась на пороге палаты, посмотрела вокруг своими большими, полными слез глазами, услышала тихий, бесстрастный, но строгий, самую душу обжигающий голос Станислава, вскрикнула и, подобно испуганной серне, бросилась в объятия своего отца и хрупкими белоснежными плечами отодвинула вооруженных мужчин, Длугоша забиравших. Длугош склонил голову и содрогался всем телом; лицо Станислава разгладилось, побледнело, взгляд зачарованно замер на прекрасной девушке, которая в своем горе выглядела воплощением страдания, и этим достигала неземной красоты. Милена подняла глаза и с головы до ног одним взглядом смерила Станислава, прижимаясь к Длугошу, она промолвила почти шепотом:

«Отец мой, что с тобой?»

«Что со мной?», – произнес он голосом суровым. – «Хотят принудить меня покориться чужим богам, хотят принудить меня предать своих сподвижников, хотят увезти меня прочь от тебя, роза старости моей, чтобы ты без вины погибла, пала жертвой людских страстей!»

И Милена, услышав его слова, не заплакала подобно всякой женщине, не способной справиться с первым движением души и болью, не утратила самообладания, но, словно бесконечной верой в себя, в белый свет исполнена, сохранила спокойствие, посмотрела на Станислава и тихим голосом промолвила отцу своему:

«Не бойся, отец мой, с тобой ничего не случится. Ты только посмотри на этого юношу, перед которым стоишь, и ты поймешь, что лицо его прекрасно, а сердце не черство, молодецкое, и не способно на подлость, – а подлость заключается в том, чтобы жестоко измываться над несчастными».

«Полно, дитя мое!», – ответил Длугош. – «Они хотят моей гибели...»

«Всего лишь покорности и покаяния, спесивый старик!» – крикнул Станислав.

«Спасибо, спасибо тебе!» – воскликнула в восхищении Милена. – «Я вижу, что твой взгляд, обжигающий великодушием, способен читать в сердце Милены, и знаю, что ты не погубишь такое несчастное как я существо».

Затем, обернувшись к отцу, она промолвила:

«Отец, покорись, оставь манящие грезы, отбрось твердостью свою, ведь она тебе больше не понадобится. Взявшись за руки, мы пойдем туда, куда приведет нас божественное солнце, где нас не настигнет рука неприятеля, где мы будем мирно жить, забыв о всех мирских печалях».

«Не заблуждайся, девушка», – ответил Станислав. – «Твой отец должен исправить то, что испортил при жизни своей, он должен помочь залечить те раны, которые столько лет наносил собственному народу!»

Однако Милена, не позволяя перебить себя, продолжала:

«Тебе знакома любовь, молодой человек, ведь у тебя были отец и мать; в имя моей любви к престарелому отцу, отпусти его, – а он, из любви ко мне, ни чем вам более не навредит. Ведь и ты чувствуешь...»

Станислав отвернулся и отвечал:

«Не говори мне об этом».

«И все же я смею просить о милости, смею надеяться, глядя в твое лицо, что ты не отвергнешь любовь ребенка к своему родителю!»

«Пусть покорится и искупит свою вину!»

А старый Длугош, который тотчас нахмурился, как только узнал, что еще сегодня его должны увезти в Тренчин, постепенно начал приходить в себя и произнес:

«Хорошо, не из-за себя, а ради моего сокровища соглашаюсь я на твои требования, – но дай мне один только день на размышления; быть может, склоню я голову перед Богом твоим; быть может, предам союзников своих, а может, скорее погибну, чем это сделаю! Но дай мне день на размышления, на это время оставь меня свободным в Бецкове».

«Сделай для него это, сделай для него это, а если не ради него, то ради меня, жизнелюбивый юноша!» – вскинув руки, просила Милена Станислава.

«Будь по вашему!» – прозвучало в ответ.

Ненастная черная ночь наступила после битвы и бецковского суда; ветер свистел за окнами замка и дикими голосами завывал в лесах, и буйное, неудержимое юношеское воображение рисовало страшные картины. Душе, захваченной боем, с самой собой сражающейся, скрывающейся в глубинах своей груди гнетущие неосознанные желания, чудится то бряцание оружия, то торжествующие, то жалобные крики, а то проклятия самые святотатственные. Станислав лежит на постели, укрытый шкурами диких

зверей, а лицо его пылает, свет лампы, горящей на столе, тускнеет перед сверканием его глаз; вдруг он встает и прислушивается, словно расслышав голоса, взывающие о помощи, и лязг оружия; то вдруг снова ложится, решив, что это всего лишь плод его воспаленного воображения. Но тотчас кто-то заохал у дверей, стучит, стучит в них и кричит:

«Открой! Открой! Быстрой! Быстрой!»

Словно испуганный олень, подскочил Станислав к двери, отворил их – и Милена, перепуганная, вошла внутрь и порывисто говорит: «быстро, уходи, убегай, беда грозит тебе и твоим людям! Скорей, скорей, уже бегут!»

«Что с тобой, взволнованная дева? Станислав не боится опасности! Что угрожает людям моим?»

«Мой отец сегодня нарочно проиграл эту битву, чтобы завлечь вас в Бецков; а сейчас тайными, вам неизвестными тропами пришли его люди, они одолевают и истребляют твоих людей, и предвкушают твою смерть!»

Станислав не побледнел, не задрожал от страха, не кинулся убежать, но, скрестив руки на груди, уперся взглядом в лицо девушки, покачал головой и засмеялся словно безумец, выговаривая: «Ну, и ты хочешь меня освободить? Ты, которая помогла своему отцу, чтобы ввергнуть нас в погибель?»

Затем, вздохнув с сожалением и ладонями лицо прикрывая, он промолвил: «Эх, если б ты знала, что погибнет вместе с нашим поражением, сколько столетий строилось то, что уничтожила эта минута!»

А затем, схватив со стола свой широкий меч, он насмешливым голосом произнес: «Ну, ступай, чтобы обрести заслугу перед отцом тем, что предала смерти надежду Словакии!»

«Станислав, Станислав! Я не знала о замыслах отца и, видят боги, что я, однажды тебя увидев, ни словом не обмолвилась о его освобождении, ибо я ненавижу подлость; видят боги, что я готова излить на тебя благословение целого света!»

А затем, судорожно схватив его за руку, она взяла со стола лампу и с силой потянула его наружу.

«Иди, иди – слышишь эти звуки, слышишь? Сюда уже спешат – ты слышишь их крики? Скоро, скоро, вслед за тобой погибнет и Милена».

И Станислав, ошеломленный прискорбностью своего положения, позволил вести себя, покуда не достигли потайного отверстия. Тут девушка сунула в руку его лампу, и он, овеянный холодным воздухом тайного хода, впервые опомнился, вернулся к действительности и, увидев перед собой дрожащую девушку, подал ей руку, глянул на нее сочувствующим взглядом и произнес: «Оставайся с Богом, ты роза этого мира; сохрани тебя Бог такой чистой, такой невинной, такой прекрасной на долгие годы! А если когда-нибудь печальные, грустные мысли проникнут в грудь твою, вспомни о Станиславе!»

И с тем исчез.

V.

В Треничне, в замке прославленном, есть знакомая палата, в которой берут начало все словацкие начинания. Черный стол тянется вдоль палаты, вокруг стола сидят двенадцать старцев, а на возвышающемся кресле – старый Святош с понурой головой. Все прочие сидят вдоль стен на скамьях, а перед столом стоит Станислав, еще недавно прославленный воевода, а сейчас подсудимый, призванный к ответу. Лица собравшихся суровы. В час, когда одно поражение, один неверный шаг может свести на нет все жертвы, все многолетние усилия, их души напряжены, взволнованы, со страхом взирают на любое происшествие.

«Старейшины словацкие», – начинает старый Святош, – «здесь, перед нами, стоит предводитель нашего войска Станислав, которому вы доверили сыновей, а мы – все надежды наши; он стоит перед нами один, а войско его разбито, наши последние силы сломлены, а с ними навеки погребены и надежды на освобождение наших родов. Все это произошло по вине одного человека, и этот человек – мой сын Станислав! Старцы словацкие, судите по закону!»

Справа поднимается Милота и произносит:

«Прискорбно слышать такие известия о самых лучших юношах наших, тем прискорбнее отцу, обманутому в своих надеждах, говорить недоброе о своем сыне. Бог утешит тебя, Святослав! А теперь ответь, подсудимый Станислав, где те надежные, хоть и мало их было, войска наши?»

Станислав поднимает голову, грудь его дышит спокойно, и голосом чистым уверенно он отвечает:

«Старцы словацкие! Ваши войска погибли, ваши надежды погублены, ваши усилия уничтожены! Нет больше тех, кто ровное течение жизни предпочел служению своим соплеменникам, кто спокойно и уверенно собственную грудь превращал в надежный оплот и стремился избавить от зависимости наши земли. Нет их более. Они погибли не в славе на поле битвы, но пали безоружными в результате предательства и вероломства неприятеля нашего. Я сам выбрался удивительным образом; дочь Длугоша вывела меня безопасной тропой, и сейчас здесь я стою перед вами чистый, хотя и более несчастный, чем год назад. Но души убитых товарищей моих – свидетели тому, что на мне нет вины, что дела и думы мои всегда были посвящены служению вам!»

«Однако, Станислав Святославич», – тотчас заговорил Милота, – «ты позволил себя вывести из замка, с помощью женщины ушел, – а попытался ли освободить друзей своих?»

Станислав понурил голову.

«Неужели оставил их умирать, чтобы спастись самому?!

«А чем бы я мог им помочь?» – печально говорит Станислав. – «Я сам лишь тогда был предупрежден о нашем положении, когда, наверное, все уже погибли, и мне подумалось: «Даже один человек нам преданный имеет большое значение!»

Когда он закончил, двери распахнулись и в палату вошли двое из тех людей, что были со Станиславом в Бецкове. Все собравшиеся устремили на них свои взгляды, каждый с места поднялся, словно хотел лететь к ним навстречу и спросить, что случилось, как они сюда попали. Но выражение любопытства сразу сменилось печалью, поскольку вошедшие смотрели сурово, не спешили говорить, как это делают люди, которые пришли с хорошими вестями, и робко озирались вокруг.

«Какие новости принесли?» – спросил Святош. – «Как наши дела и живы ли наши люди?»

Пришедшие покачали головами, и один из них дрожащим голосом отвечал: «Мы-то живы, чтобы принести вам позорное послание; а братья наши...» – и пожал плечами.

Спустя минуту он продолжал:

«Все погибли, а нас лишь для того в живых оставили, чтобы мы доставили вам послание Длугоша. Он предлагает вам сдаться. Если до сегодняшнего вечера вы не дадите ответа, завтра он возьмет Тренчин в осаду и, поскольку у вас нет запасов воды, жаждой принудит вас к сдаче; если же вы сдадитесь, он отнесется к вам милостиво, а к этому с усмешкой добавил: «Скажите начальникам вашим, что если они покорятся, Длугош, возможно, тому, кто по просьбе его дочери подарил ему время, необходимое для исполнения его замыслов, по просьбе дочери своей, которая говорит, что скорее его, чем отца вывела бы в безопасное место, ему не только дитя свое в жены отдаст, но и даст за ней самое большое из всех невест в Татрах приданое».

«Наши законы суровы!» – воскликнул Станислав. – «И никогда твоя воля не исполнится...»

А Святош нахмурил седые брови, взгляд свой, словно два штыка, на сына устремил и произнес:

«Станислав, признаешь ли, что отверг в своем сердце любое нежное чувство, которое в самой малой степени могло бы помешать исполнению твоих помыслов? И признаешь ли, что из-за этого твоего чувства погибли наши братья?»

«Я никогда не пренебрегал обязанностями своими, никогда не отступал от намерения своего, никогда не подумал ни о чем ином, кроме обязанностей моих. – А теперь судите меня по закону!»

«Скажи, это правда, что ты дал время Длугошу убить друзей своих ради его дочери?»

Станислав не отвечал.

Скажи, чувства твои те же, что и год назад?» – быстро спросил Святош.

И сын его тихо ответил:

«Судите по закону!»

И на лице отца отразились тысячи молний. Он все потерял, погибли его сыновья, и самого младшего он сизмальства наполнял любовью к своим соплеменникам, и готовил его к жертве за народ свой несчастный, а сейчас?

В глазах у него потемнело, но сильный, неодолимый дух помог ему распрямиться, придал силы его голосу, и он произнес:

«Что ожидает его по закону за малейшее преступление?»

И мрачным словом «смерть» ответили собравшиеся.

«Смерть», – промолвил старый Святош и закрыл лицо.

А Станислав скорбно улыбнулся и произнес:

«Вновь говорю вам: нет пятна на моей жизни, ни разу я не подумал ни о чем ином, кроме моей родины. Но да свершится ваша воля!»

VI.

Печально видеть силу молодости, угасающую в отвратительном безделии, но еще печальнее видеть сердце молодецкое, заключенное в четырех стенах, которые оно, хоть и бьется, одолеть не может. Высока башня гордого Тренчина, а в ней – несколько ярусов, образующих отдельные комнаты. И в одной из этих камер стоит задумавшись осужденный своими же на смерть Станислав, виновный ли, безвинный ли – ему одному о том ведомо лучше других.

Он стоит возле узкого оконца и смотрит вниз на Поважскую долину, пытаясь разглядеть в призрачном утреннем свете родные земли. Но едва утреннее солнце принялось целовать самые высокие вершины гор, напрягся взгляд Станислава, подобно взгляду орла, высматривающего добычу, дыхание затаилось и вены вздулись на его висках.

Длугош как обещал, так и сделал.

А в Тренчине с раннего утра решали, как им быть. И решили, хоть и мало их, идти на прорыв неприятельских рядов, поскольку если не пуститься сейчас во имя Божье в решительный бой, останется одно – бесславно ждать верной смерти. Горстка доблестных, единой целью сплоченных людей способна разбить тысячу не понимающих, зачем и ради чего они проливают свою кровь.

И в тишине, сосредоточенно выступила из Тренчинского замка горстка словацких удалцов, и прямо пошла на целое море наемников Длугоша; их знамя – седые длинные волосы, развевающиеся из-под шлемов, их стены – груди молодецкие.

Первые лучи солнца хлынули в долину Вага, и посмотрелось оно в хрустальное зеркало серебристого Вага, хорошо ли принаряжено. А тренчанские богатыри врезались в ряды сторонников Длугоша, и началась ужасная сеча; одни выкашивают все вокруг себя, другие все прибывают и теснят горстку отважных смельчаков.

А самый отважный юноша с тренчанской башни смотрит на то, как падают его друзья, как неприятель их окружает, теснит, и потемнело у него в глазах, сдавило грудь, поскольку он увидел, как падает красно-белое знамя, как заревели неприятели. Можешь ли ты идти на помощь тем, кто осудил тебя безвинно? Можешь ли ты позволить упасть тому, что до сих пор почитал святыней? И расправил юноша плечи, ветер засвистел в узком оконце и разбросал его волосы; а заточенный юноша, словно в бешенстве, уперся в дверь и невероятным усилием выставил из петель крепкие железные запфы, выхватив из рук первого попавшегося стражника тяжелый меч, он не побежал – соколом полетел на поле боя.

Однако тут уже не видать сынов тренчанских, где-то в самой гуще неприятельских толп они трудятся. Но могучий юноша рубит вокруг, не задумываясь как, и пробивается к соратникам, опять же не задумываясь как. И тут скорбная картина ужаснула молодца: старый Святош, шатаясь, трудится, но удар неприятельского меча разбивает шлем и голову, и слабый,

обомлевший старик встречается с взглядом сына своего, к нему приближающегося.

И омрачилось кровью залитое лицо, и, разомкнувшись, губы выговаривают: «Кровь моя – на тебе, кровь братьев твоих – на тебе, и кровь всех нас – на тебе, и проклятие тысячи поколений – на тебе!»

И испустил дух.

Ошеломленный Станислав произнес: «Обо всем узнаешь там, где мы встретимся – с Богом!»

Нижняя челюсть его задрожала, на глаза навернулись две большие слезы, он нагнулся, поцеловал руку любимого старика, взял меч из его ослабевшей руки, в мгновение ока вскочил на отцовского жеребца и закричал:

«За мной! За мной!»

И отозвались радостные голоса: «Сташко! Сташко!», – и загудели неприятельские ряды: «Сташко! Сташко!», – и горы горам, а леса лесам повторили это имя, знаменитое на полях сражений.

Не велика горстка тренчанских удальцов, но рубят мечами, топчут конями пехотинцев, и спустя немного времени рассеяли, разгромили полки Длугоша, до которых дотянулся тяжелый отцовский меч Станислава. Так один человек и его имя подобно грому и молнии промчались и снесли сильную преграду.

VI.

Много оружия, много добычи досталось тренчанским, хоть и мало их оставалось, Бецков тоже оказался в их руках; и все же они опечалены, поскольку на всем белом свете некому им помочь, ибо юноши, чье имя разгоняло толпы неприятелей, больше нет с ними. Милота собрал вокруг оставшихся старцев и говорит:

«Один великий поступок, одна великая услуга, оказанная роду, выше любой другой вины и способна изгладить ее из памяти. Такова слава Станислава – пусть она ведет вас, и хотя нас мало, ею умножатся наши силы!»

Однако Станислава никто более не видел в наших краях.

После битвы у Тренчина, когда тихая, прелестная ночь накрыла своим крылом широкую землю и погрузила ее в ночную темноту, а тусклый месяц, брат несчастья, хотел сочувственным взглядом осмотреть последствия русских дел, что в слепоте своей и ненависти этот прекрасный, по образу Божьему сотворенный род русский истребляют, не ведая, что творят, – он, обратив свой тусклый лик на мерцающую поверхность кроваво-красных полей, увидел юношу, неспешно шагающего вниз Поважской долиною. Он посетил поле боя и там, прикинув к одному из мертвых тел, прошептал что-то таинственное, так тихо, что даже месяц, наперсник ночи, ничего понять не смог, и вздохнув, он направился вниз долиною Вага, а когда высокая Тренчанская башня стала теряться из виду, так что даже сочувственное сияние месяца более не помогало, он вздохнул, поднял вверх руку и произнес:

«Храни вас Бог, мои долины, и вас – луга, леса, и вас прекрасные цветы наших лугов, и вас – поля колосистые, и вас – наши молчаливые села, и вас – люди добрые, напрасно лучших времен ожидающие, и вас – стремительные реки, и вас – старинные города, храни вас Бог! Прощумите когда-нибудь будущему поколению мое завещание, наполните души нашего юношества, затеплите в его груди священный, возвышенный огонь, пробудите шумом своим их души, чтобы, оставив все соблазны света, все наслаждения и радости, они посвятили себя одной идее, великой идее, и приближали день возрождения. Храни вас Бог! Храни вас Бог!»